

гая, угодная и совершенная“ (Римл. 12—2). Имѣй уши слышати да слышать! Аминь.

Свящ. Тихонъ Третьяковъ.

„ГОРЬКІЙ КОРЕНЬ“.

„Наблюдайте, чтобы кто не лишился благодати Божией, чтобы никакой горький корень, возникнувъ, не причинилъ вреда, и чтобы имъ не осквернились многие“ (Евр. 12, 15).

Тяжелая година смутнаго лихолѣтя не прошла мимо, не коснувшись и церковной жизни. Тысячи грязныхъ обвиненій брошено въ руководителей церковной жизни, начиная съ высшихъ инстанцій и кончая послѣдними причетниками. Гдѣ народное уваженіе къ духовенству, гдѣ слѣбая вѣра народная въ руководителей своихъ, ведущихъ ко спасенію, гдѣ жажда народная видѣть въ домѣ у себя своего пастыря, слышать отъ него слово утѣшенія, указанія истиннаго пути, совѣта, вразумленія, гдѣ горячая любовь къ храму Господа? Гдѣ, гдѣ все это?

Когда случилось, что народъ вмѣсто уваженія къ духовенству, сталъ кидать грязью въ него? когда случилось, что овцы словеснаго стада побѣгли отъ пастырей своихъ, именуя ихъ наемниками? Съ которыхъ поръ народъ сталъ тяготиться посѣщеніемъ духовенства и осмѣливается запереть ворота предъ крестомъ Христовымъ? Съ которыхъ поръ народъ не сталъ стремиться въ храмъ Господа, чтобы излить тамъ свою изболѣвшую душу, снять съ себя грѣховную нечистоту? Гдѣ искать причину нравственнаго и религіознаго разложенія народа? Когда народъ успѣлъ такъ развратиться? Кто и когда сумѣлъ уронить крѣпкіе религіозные устои простаго довѣрчиваго люда до того, что тотъ, бывало въ простотѣ сердца вѣрующій народъ, дошелъ до святотатственныхъ ограбленій храмовъ, до поднятія ножа, огня и револьвера на пастырей и учителей своихъ?

Жизнеобновленцы, не задумываясь, говорятъ, что это они

вывели народъ изъ рабскаго слѣпота повиновенія Церкви, они смѣло хотятъ убѣдить всѣхъ, что духовенство—это паразиты народныя, что эта „каста“ отжила свой вѣкъ, что Церковь, съ ея бывшими, а теперь по времени устарѣвшими религіозными принципами, должна уступить мѣсто новому *свободному* религіозному вѣрованію, или, вѣрнѣе, вполне свободному безвѣрію. Эти жизненновобновленцы забыли, или скорѣе никогда не знали, что Церковь вѣчна, непоколебима, что врата ада не одолѣютъ ее. Но какъ бы то ни было, а грозный призракъ разрушенія тѣла единой истинной Церкви неотступно стоитъ впереди, заставляя невольно задуматься о будущемъ, види впереди широкій путь къ безвѣрію, къ религіозному, а за нимъ и нравственному разложенію. Гдѣ *горкій корень* этого большого зла, гдѣ искать виновниковъ нравственнаго распадена и религіознаго разложенія народа?

Одни кричатъ, что виною всего духовенство, а духовенство видитъ виновниковъ въ интеллигенціи, въ отхожихъ промыслахъ, однимъ словомъ, по общей человѣческой привычкѣ, никто не хочетъ искать причины въ самомъ себѣ, а видитъ зло только въ другихъ.

Тяжело искать причины въ общемъ историческомъ укладѣ государственной жизни; да и что въ немъ искать, когда рѣдко ошибающійся народъ давно сказалъ, что законы святы, да исполнители далеко не всѣ свято исполняютъ эти законы. Мнѣ думается, что даже самыя крайніе—лѣвые и то не посмѣютъ отвергать ту истину, что, если бы наши исполнители законовъ были всѣ люди честныя, исполняли бы порученное каждому изъ нихъ дѣло не за страхъ, а за совѣсть, если бы они стремились неукоснительно выполнить и провести въ жизнь данныя имъ предначертанія, если бы они были меньше „чиновники“ и больше „люди“, то тогда ваша внутренняя жизнь потекла бы по спокойному руслу безъ головокружительныхъ водопадовъ, наблюдателями которыхъ, а иногда жертвами, являемся мы въ настоящее тревожное время; тогда едва ли надо бы было искать образцовъ иноземныхъ, идей практически не осуществимыхъ, не было бы нужды спѣшить бѣжать изъ „рабства правительству“

съ тѣмъ, чтобы отдаться въ рабство новому, еще не испытанному и для многихъ невѣдомому правительству, надѣющемуся получить чины изъ кровавыхъ рукъ противниковъ Христа и легко обѣщающему „свободу всѣхъ свободъ“, но разумѣется, не для всѣхъ, а для себя. Нѣтъ нужды, пожалуй, искать корень зла развращенности народа и въ интеллигенціи и въ отхожихъ промыслахъ и проч. Конечно нельзя отрицать тѣхъ печальныхъ явленій, когда въ среду народа въ качествѣ всевозможныхъ „начальствующихъ“ попадали люди, не только не религіозные, но часто совершенные невѣры, выскочки изъ недоучекъ, готовые посмѣяться надъ глубокимъ сердечнымъ вѣрованіемъ народа, готовые всегда осмѣять, унижить служителей алтаря, готовые во всякое время возстановить народъ (они власть имущіе) и противъ Церкви, и противъ служителей ея. Они примѣромъ своей далеко не христіанской жизни, своего индифферентнаго отношенія къ религіознымъ воззрѣніямъ, своего высоконачальствующаго отношенія къ Церкви и ея служителямъ, закрѣпляли свою грубую проповѣдь тѣмъ самымъ шагъ за шагомъ подрывая авторитетъ Церкви въ народѣ, уваженіе къ пастырямъ, вѣру въ милующаго и карающаго Господа, засыпали грязью ту искру религіознаго вѣрованія народа, которая была единственнымъ свѣточемъ, единственнымъ утѣшеніемъ въ скорбной жизни народа, единственнымъ отраднымъ моментомъ въ многотрудномъ невзрачномъ существованіи простого сердцемъ люда.

За этими „начальствующими“ интеллигентами, изъ рабскаго имъ подражанія слѣдомъ пошли сначала ихъ подчиненные, а за ними всѣ тѣ, которые случайно выбрались изъ крестьянской сермяги въ нѣмецкій пиджакъ, и окутавъ ихъ тѣнетами своихъ капиталовъ, встали во главѣ этой для нихъ уже темной массы, и, подражая дѣяніямъ своихъ учителей, болѣе ихъ буи и слѣпые, съ большимъ ослѣпленіемъ понесли ту же не христіанскую проповѣдь. Вотъ эти-то интеллигентскіе отбросы, внесшіе въ народную среду ядъ нравственнаго и религіознаго разложенія, теперь смѣло бросаютъ обвиненія въ духовенство за его ничего недѣланіе, за его намѣренное отупленіе народа, за его намѣрен-

ное держаніе народа во тьмѣ, чтобы легче обирать народъ, полнѣе жить за трудъ и темноту народную.

Въ силу ли историческаго уклада жизни, или въ силу присущей безпечности русскаго народа, или въ силу какихъ-либо другихъ причинъ, указуемыхъ „людьми новыми“, обѣдвлялъ нашъ народъ и принужденъ былъ идти за лишнимъ заработкомъ на чужую сторону, но очевидно то, что фабрики, заводы, рыбные и др. отхожіе промыслы развращали народъ. Многихъ влекла туда безшабашная жизнь всегда съ копѣйкою въ карманѣ и въ городскомъ нарядѣ, вмѣсто тяжелаго добыванія куска насущнаго хлѣба плугомъ и сохою въ немудрой рубахѣ и лаптяхъ. Тамъ на свободѣ, вдали отъ родительскаго надзора, среди поглощающаго, присущаго заводской, фабричной и промысловой жизни разврата, потухала вѣра, развращался умъ, гибла нравственность, притуплялась совѣсть. Оттуда, заразившись сами, они несли заразу въ свои села, и постепенно поколѣніе за поколѣніемъ „лишались благодати Божіей“ и „осквернялись горькимъ корнемъ“.

Кажется и достаточно бы этихъ причинъ, послужившихъ нравственному убожеству народа, его ослабленію въ вѣрѣ.

Но со скорбію срывается въ сердце вопросъ: гдѣ же были тѣ, которые поставлены на стражѣ нравственнаго и религіознаго воспитанія народа, гдѣ были тѣ, которые обязаны были укрѣплять, созидать тѣло единой Церкви Христовой, которые обязаны были возгрѣвать благодать и даръ Божій, ограждать отъ внутренняго хищенія достойніе Церкви? Гдѣ были мы, пастыри и учителя, что не сѣумѣли оградить врученныя намъ души и сердца, не сѣумѣли воспрепятствовать *„повредиться умамъ и отклониться отъ простоты во Христвѣ“* (2 Кор. 2, 8); какъ мы не замѣтили среди своей паствы *„сердца лукаваго и невѣрнаго“*; какъ мы не уберегли и позволили имъ *„увлечься заблужденіемъ беззаконниковъ и отпасть отъ своего утвержденія“* (2 Петр. 3, 17)? Не были ли и мы косвенной, а то и прямо первопричиной религіознаго народнаго ослабленія, нравственнаго разложенія, народнаго невѣрія, озлобленія противъ пастырей своихъ и проч.? Не мы ли одинъ изъ корней зла? Не пора ли и намъ отрѣшиться отъ обыкновенной человѣческой способности видѣть

свое несчастіе въ другихъ и отыскивать причины далеко въ нашего „я“? Не пора ли и намъ оглянуться назадъ и увидѣть съ ужасомъ, что и мы вложили не малую долю зла въ эту большую кошницу лжи, разврата, безсердечія, вѣроотступничества“?

Надо думать, что не даромъ сложилась одна изъ русскимъ поговорокъ: „каковъ попъ, таковъ и приходъ“. Нѣтъ ли въ этомъ народномъ изреченіи, созданномъ въ теченіи вѣковъ, большой доли правды? Страшно и подумать, что въ характеристикѣ, приведенной Христомъ о книжникахъ и фарисеяхъ, многіе изъ пастырей могли бы узнать и себя! *„На Моисеевомъ съдалицу стлѣ книжники и фарисеи. Что они велѣтъ вамъ соблюдать, соблюдайте; но длѣамъ же ихъ не поступайте, ибо они говорятъ и не дѣлаютъ: связываютъ бремена тяжелья и неудобноносимья и возлагаютъ на плеча людемъ, а сами не хотятъ и перстомъ двинуть ихъ; всѣ же длѣла свои дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобы видѣли ихъ люди; любятъ предвозлежанія на пиришествѣхъ и предсѣданія въ синагогахъ и привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ“* (Мѣ. 23, 2—7).

Являемся ли мы, пастыри и учителя, не только учителями словомъ, но и дѣломъ? Всѣ ли мы соблюдаемъ то, что несемъ въ проповѣди другимъ? являемся ли мы примѣромъ, образцомъ христіанской жизни, христіанской добродѣтели? Всѣ ли служимъ *„образцомъ въ словъ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ“*? (1 Тим. 4, 12) Какъ мы радимъ *„о пребывающемъ въ насъ дарованіи, которое дано намъ по пророчеству съ возложеніемъ рукъ священства“*— Не сдѣлались ли многіе изъ насъ только чиновными исполнителями требъ, да и то не за страхъ и не за совѣсть, а съ большими упущеніями, съ нерадѣніемъ? Многіе ли изъ насъ отдались всецѣло дѣлу святого служенія? Не почитать ли намъ вновь посланія апостола къ истинному сыну въ вѣрѣ Тимофею, гдѣ апостоль указываетъ прямо на добродѣтели, кои должны украшать служителей Господнихъ: *„долженъ быть презвъ, цѣломудренъ, честенъ, страннолюбивъ, учителенъ, не пьяница, не сварливъ, не корыстолобивъ, но тихъ, миролюбивъ, не сребролюбивъ; діаконъ долженъ быть честенъ, не двоязыченъ, не пристрастенъ къ вину, не корыстолобивъ, хранящій таинство вѣры въ чистой совѣсти“* (Тим. 3, 2—3, 8—9). Сколь далеки многіе изъ насъ отъ предназначеннаго идеала!

Сколько между нами вражды, сварливости, зависти, лжи, злобы противъ другъ друга, ненависти! Изъ злобы нашей жизни создаются народныя поговорки: „гдѣ два попа, тамъ драка“. Что говорить объ общихъ человѣческихъ слабостяхъ, каковы: не трезвость, корыстолюбіе, сребролюбіе, несоблюденіе постовъ и проч. и проч.! А вѣдь мы примѣръ, мы тотъ свѣточъ, который стоитъ верху горы и свѣтитъ всѣмъ, мы та соль, о которой сказано, что если и соль обуюетъ, то чѣмъ осолится. Слово и дѣло! Какъ далеко разошлись они у насъ!

Правда, мы найдемъ оправданіе. Одинъ скажетъ, что жизнь, среда его заѣла, другой скажетъ, что ошибся и пошелъ служить не „по призванію“, иной скажетъ, что не получилъ должнаго воспитанія, иной—что высшее церковное чиновничество заградило намъ уста и сдѣлало насъ чиновниками и т. д. и т. д. безъ конца, точь въ точь, какъ званые на вечерю: одинъ купилъ воловъ,—прийти не можетъ, другой—женился и проч. Но не многіе откроютъ тайники своей души и скажутъ правду, укажутъ истинную причину своего убожества.

Что же и на зеркало пѣнать? Что же намъ въ другихъ и кругомъ себя искать корень зла? Что же намъ кричать объ обновленіи высшаго духовнаго управленія, объ обновленіи государственной жизни, о патріархѣ, объ ограниченіи власти епископовъ, о преобразованіи учебныхъ заведеній! Зачѣмъ мы печалимся, что дѣти наши запаслись браунингами, что дѣти наши хотятъ чего-то новаго, какой-то свободы для своихъ безобразій. Не мы ли сами, толкуя о какой-то свободѣ, о своемъ угнетеніи, дали поводъ дѣтямъ своимъ видѣть себя угнетенными? Что же намъ жаловаться, что нашъ народъ оставилъ насъ, что онъ бѣжитъ отъ насъ, какъ отъ наемниковъ, когда, по слову пророка, *„пастыри ихъ соvertedи ихъ съ пути, разогнали ихъ по горамъ“* (Исаи 50, 6). Разъ мы сами *„ничего не принесли въ міръ, ясно, что ничего не можемъ и вынести изъ него“* (Тим. 6, 7).

„Если говоримъ, что не имѣемъ грѣха, обманываемъ самихъ себя и истинны нтъ въ насъ“ (Іоан. 1, 8). А поэтому бросимъ искать причину зла внѣ насъ, хотя-бы тамъ и была она, умолчимъ на время о высшемъ преобразованіи, остановимъ рѣчь

объ обновленіи внѣшнемъ, а позаботимся объ обновленіи нашего внутренняго содержанія, будемъ убѣгать всего, что не присуще православному христіанину, а наипаче учителю Церкви, будемъ „преусъствовать въ правдѣ, благочестіи, вѣрѣ, любви, терпѣніи, кротости“, будемъ подвизаться „добрыми подвигомы вѣры, держаться вѣчной жизни, къ которой и призваны, исповѣдывать доброе исповѣданіе, соблюдать заповѣдь чисто и неукоризненно, даже до явленія Господа нашего Іисуса Христа“ (1 Тим. 6, 11—14), а остальное все приложится намъ.

Священникъ Іоаннъ Соколовъ.

НЕОБХОДИМОЕ ДѢЛО.

Съ дарованіемъ русскимъ гражданамъ вѣроисповѣдной свободы, которая по теченію современнаго законодательства въ будущемъ легко можетъ совмѣстить въ себѣ и свободу пропаганды, Церковь православная съ этого времени по образному выраженію арх. Сергія „послѣ столѣтій мирнаго пребыванія подъ защитой закона, за крѣпкой стѣной государственной охраны, выходитъ беззащитная и не прикрытая ничѣмъ прямо на поле брани, подъ удары враговъ“. Свѣтской и особенно духовной печатью законъ о свободѣ вѣроисповѣданій освященъ всестороннее, отмѣченъ его положительныя и отрицательныя достоинства, но по своей важности для Церкви русской и ея служителей законъ этотъ по понятнымъ причинамъ еще долгое время будетъ служить предметомъ думъ и заботъ. По смыслу новаго закона теперь всякая вѣра, всякое мнѣніе, хотя бы и совсѣмъ враждебныя православію, получили право открыто себя исповѣдывать и, слѣдовательно, для духовенства отечественной Церкви въ его дѣятельности по огражденію немощныхъ душъ отъ соблазна лжеученій наступила новая трудная эра. Законъ о свободѣ вѣроисповѣданій былъ изданъ неожиданно во всей своей полнотѣ безъ поступательнаго развитія въ своемъ историческомъ ходѣ и, какъ таковой, естественно застигъ православное духовенство въ состояніи значительной неподготовленности. Но неожиданность его появленія имѣла и свою положительную сторону. Громовымъ ударомъ этого закона духовенство пробудилось отъ